
Жанна Лебедева
КРОВЬ С МОЛОКОМ
ВАМПИР НА ДИЕТЕ

Жанна Лебедева

Кровь с молоком. Вампир на диете

«Автор»
2026

Лебедева Ж.

Кровь с молоком. Вампир на диете / Ж. Лебедева — «Автор», 2026

У мужа другая семья в нашей новой квартире, а у меня – коза. И старенький домик на несуществующей улице, полной тайн. А еще странные соседи и загадочный покупатель молока, который мне кого-то жутко напоминает Ничего, я со всеми проблемами разберусь и начну новую счастливую жизнь. Скоро ведь новый год, а значит, настало время для самых невероятных чудес!

© Лебедева Ж., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. Предательство 5
ГЛАВА 2. Гость 9
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Жанна Лебедева
Кровь с молоком. Вампир на диете

ГЛАВА 1. Предательство

Первые снежинки кружились в воздухе, от чего мое настроение становилась все радостнее.

Конец рабочей недели. Конец месяца.

Премия!

На работе отметили и похвалили. Директор молокозавода даже руку пожал, сказав, что такие сотрудницы как Гречкина (Гречкина — это я) — на вес золота и их (меня, то есть) надо ценить и беречь…

Его бы слова да моему мужу в уши!

Но все плохое случилось чуть позже… А пока я шагала по заснеженной дорожке мимо сосен, — всегда мечтала, чтобы дом окружали сосны, — раздумывая, зайти ли в магазин за тортиком, или хватит тех пирожных, что мне коллеги подарили на юбилей?

Решила, что хватит.

Перед подъездом стояла машина Эдуарда.

Ага! Значит, он сегодня пораньше приехал и, должно быть, готовит мне какой-то сюрприз на день рождения. Двадцать пять лет мы с ним вместе. Двоих детей вырастили, на ноги поставили. Квартиру вот, решили новую…

У подъезда меня толкнула в плечо молодая женщина, глянула сердито и быстро скрылась за дверью. Ударил в нос резкий запах духов — незнакомка их, похоже, не жалела. Возмущаться я не стала, заметив у нее выпирающий из-под норковой шубки приличный уже живот.

У беременных свои причуды. Сама такая же была…

На лифтовой площадке пахло стройматериалами — аромат нового дома. Я поставила сумки на пыльный пол. Пока что тут все в строительной пыли. Отмывать ее…

Поднявшись на свой этаж, снова ощутила тот резкий запах. Хмурая девица к соседям, что ли, ехала?

Я посмотрела на белую дверь квартиры напротив. Там еще с прошлой недели красовался еловый венок из масс-маркета. Веселенький такой. Они и огоньки на окна уже приспособили, а у меня до праздничного декора все руки не доходят…

Дверь в нашу девяносто шестую квартиру была приоткрыта.

Ну точно, ждет!

Я вошла в прихожую, где еще не закончился ремонт, и валялись детали недособранного гарнитура. Громко сообщила:

— Эдусь, я дома!

Пока расстегивала сапоги, совсем взмокла — молнию заело.

— Зин… Нам поговорить надо.

Голос мужа буквально ледяным душем меня окатил. Что-то случилось? У детей проблемы? Свекровь опять в больницу попала с сердцем?

— Эдусь, что случилось? — Я наконец-то справилась с сапогом и, быстро сунув ноги в тапки, посмотрела на супруга.

— Это все, Зин. Я больше не могу.

— Что — «все»?

По пальцам словно молнии проскочили. Мурашки побежали по спине, и все никак не выходило поверить, сообразить… Мама всегда ругала меня за несообразительность. «Дом будет гореть, Титаник тонуть, а ты встанешь вот так, глаза вылупишь и начнешь бормотать — что такое, да что случилось», — иронизировала она.

И была права. Водилось за мной такое. Что уж…

Эдуард выдохнул и произнес:

— Я с тобой развожусь.

— Почему?

Я моргнула. Потом еще раз. Но реальность не изменилась. Супруг из каменного не стал улыбающимся. Напряжение, повисшее в воздухе, проступило еще сильнее.

— Потому что я тебя… — Он сглотнул. — Больше не люблю.

— Не любишь? — Я растерялась. Ведь двадцать пять лет же… — А как же… Как…

И тут появилась она. Выплыла из кухни, сверкая блестками на длинном платье, обтягивающем круглый живот, большую грудь и стройные ноги.

— Не мямли, Эд. Скажи ей уже всю правду. Сколько можно тянуть?

Студентка… Я вспомнила ее! Это же Эдуардова бывшая студентка. Теперь уже аспирантка, наверное. Как там ее? Регина Розовская? Как же так… Она ведь… Ей ведь лет, наверное, меньше чем нашему Кешке младшему…

— Эдуард, как же так? — окончательно растерялась я.

Надо было собраться, стать жесткой и волевой, устроить им тут. Но я так не умела.

Почему! Почему я не умела превращаться в мегеру, когда это так нужно?

Мямля…

— А вот так. — Эдуард отстранил Регишу и посмотрел на меня неожиданно зло. — Я еще молод и заслуживаю счастья. Любви. С тобой мы давно живем как соседи. Ты не молодеешь, Зин. Сама должна понимать. А тут настоящее чувство. Сердцу не прикажешь. Да и ребенок…

— И давно ты с ней? — По телу разлилась предательская слабость. В какой-то миг показалось, что упаду сейчас… рухну на новенькую глянцевую плитку… — Давно мне изменяешь?

Какое мерзкое слово — «изменяешь». Язык еле повернулся, чтобы произнести его.

— Мы с Региной больше трех лет встречаемся. Это настоящее, крепкое и искреннее чувство. Решили, наконец, узаконить наши отношения. И ребенок, опять же…

— Как ты мог, Эдусь? — только и смогла прошептать я. — Какой же ты… подлый! Предатель!

Он пытался что-то кричать мне вслед.

Что сама виновата, и что квартиру эту он со мной готов разделить, хотя не должен (почему это, интересно?), и что я ничего не смыслю в любви, потому что примитивная…

Ну конечно! Он же у нас весь из себя интеллектуал! Профессор кислых щей… Не то, что я, простая работница на молочном производстве. И то, что у меня тоже высшее образование есть, его никогда не смущало. Называл меня «колхозницей» и «дояркой». А я не обижалась. Думала, он любя…

Снег ударил в лицо, стоило покинуть подъезд. Зима плясала в пятнах фонарей. Рабочие ставили перед домом большую искусственную елку. Она падала из-за поломанной крестовины.

«Моя жизнь — прям как эта дурацкая елка», — родилась в голове мысль. Раз — и упала.

В кармане пуховика настойчиво завибрировал смартфон.

Звонила мама.

Сейчас начнет расспрашивать про нас с Эдуардом, а я не смогу ей соврать. Вернее, она сразу раскусит, что я вру, и начнется! Мне сорок пять, а я до сих пор боюсь маминого гнева.

Какой позор!

Но маму волновало другое.

— Так. Ты там чем занята сейчас? — зазвучал в динамике властный голос.

— Да вот… Иду вот, — невнятно отозвалась я, предвкушая допрос, разборки и нравоучения.

— Значит так. Бросай все и дуй к бабуле нашей. Она в больницу загремела…

— Бабушка в больнице?

Ей ведь сто лет. Я даже про предательство Эдуарда на секунду забыла. Неужели что-то плохое случилось? Серьезное?

— Баба Стеша заболела? Что с ней?

— Непонятно пока… Подозрение на инсульт. Я ей продуктов отвезла и вещи, а ты… Твоя задача козу эту ее дурацкую накормить и подоить. — Мама шумно выдохнула в трубку. — Сколько раз ей говорила — продай! Нечего на старости лет скотный двор разводить. Не по силам ведь уже. Лучше на йогу записалась бы, раз деятельности какой-то хочется, чем это все… Но у нее свои деревенские развлечения — ты же знаешь нашу бабушку.

— Знаю.

Я ощутила, как дрожат пальцы. Столько всего за один вечер навалилось. Но бабушка — это сейчас самое важное.

Самое…

Вызвать такси получилось с третьего раза. Бабулин адрес никак не получалось указать. Улицы Дубравной просто не высвечивалось в списке. Или интернет ловил плохо и поисковик глючил. Да и, сказать по правде, раньше я никогда туда на такси не ездила. Либо на машине добиралась, либо на общественном транспорте до остановки, а оттуда пешком.

Наша с Эдуардом машина стояла тут же рядом на стоянке, но речи о том, чтобы вернуться и взять ключи не шло. Не хочу видеть это снова… Его, моего мужа, и ее…

Слезы поступили на глазах, но я быстро взяла себя в руки и вместо улицы Дубравной забила в поисковик ближайшее загрузившееся место — большой торговый центр на проспекте Комсомольцев.

Машина подъехала быстро.

Я попросила водителя перестроить маршрут до нужного мне места, но молодой темноволосый мужчина, который высветился в телефоне как «Арсен», с уверенностью заявил, что такой улицы у нас в городе нет.

— Но как же нет? — попыталась спорить я, а потом плюнула. — Ладно. Везите к «Комсомольцу». Там как-нибудь разберусь…

Машина тронулась. Когда выбрались из дворов на большую дорогу, в лобовое густо и настойчиво полетел мокрый снег. Зашуршали дворники, превратили огни фонарей в текучую акварель.

Все размыто.

Как и моя жизнь теперь… Я ничего не понимала и все еще не могла поверить в случившееся. Как? Как такое могло произойти со мной? Почему? За что?

Какие глупые вопросы…

А на новогодних каникулах дети приехать собираются. Это же ужас что будет! Нет… Им надо сказать заранее… Но как?

Голос таксиста вырвал меня из водоворота сбивчивых мыслей.

— Приехали.

Я неуклюже вывалилась навстречу яркой витрине, разрисованной новогодними елками, шарами и каким-то развеселым зверьем в алых шапках. Заманчивые цифры рядом со значком процентов обещали сказочную распродажу.

Захватив немного продуктов, я прошла здание торгового центра насквозь и оказалась среди многоэтажек. Тесные дворы заметало метелью. Тонкая дорожка, протоптанная жителями, исчезала на глазах.

Руки мерзли.

Я забыла перчатки там… дома. Торопилась сбежать, чтобы не видеть… И теперь пальцы жгло дыханием ледяного ветра.

За домами начиналась дубовая роща. Деревья, раскидистые и огромные, все как одно были признаны памятниками природы, и вырубка, к негодованию жадных застройщиков, им не грозила.

Тут пути не было.

Засыпанную снегом аллею освещали редкие фонари. Снег лип к подошвам, снимался слоем, из-под которого проступал ковер золотистых листьев, которые не успели убрать коммунальщики.

Вот и бабулина улица. Старые дома выступают из-за кустов рябинника. Тут она, и всегда тут была. Соврал глупый навигатор. Вот же…

Домики на Дубравной стояли особенные — все старинные, резные, нарядные. Вот этот, с высокой башенкой в стиле модерн — вообще произведение искусства.

Бабушкин за ним. И найти просто. На машине с проспекта через проезд вокруг дубов…

Калитка скрипнула. Открылась с трудом — откатился в сторону валик нечищеного снега. А я подумала, что где-то в кладовке должна быть лопата, и надо бы ее срочно достать, а то без нее как без рук.

Перед глазами снова встало лицо Эдуарда. И его отвратительные слова. Нет, ну как он мог?

Мог.

Я оставила на крылечке тяжелый пакет и направилась по снегу к сараюшке с хозяйственным инвентарем. Пристроенная к дому, но не крашеная в общий зеленый, она чуть заметно шевелила приоткрытой дверью. Крючок отвалился…

Алюминиевая ручка лопаты обожгла руки. Я шикнула и принялась дышать на ладони. Посветила фонариком внутрь пристроечки. К счастью, на ржавом гвозде, торчащем из стены, нашлась пара рабочих рукавиц.

Из козлятника, торчащего темной глыбой чуть поодаль, призывно заблеяла коза. Почувствовала, видимо, что кто-то пришел, и стала звать.

— Сейчас, Ляськ, только дорогу откопаю, — крикнула ей я.

Козу звали Ляся, и это странное имя ей дали предыдущие хозяева. Или даже те, что были перед ними. Бабушка Стеша была не первой Лясиной хозяйкой, потому как коза эта славилась скверным характером и не то чтобы очень большими надоями.

Снег перестал. Пала тишина, тяжелая и мягкая, как одеяло. Даже звонкий козий голос утонул в ней, стал тихим, звучащим будто из-за толстого занавеса.

После того, как все нужные дорожки были расчищены, я рискнула заглянуть в козлятник. Ляся сломала запор на внутренней клетушке и встретила меня рогами. Пришлось выскочить на улицу и найти прутик, чтобы грозить ей.

Мой второй заход не увенчался успехом: стоило мне только нос внутрь сунуть, как Ляся вскинулась на дыбы и стала со мной одного роста. А потом рухнула с высот рогами о дверь, которую я своевременно закрыла снаружи.

Раздался оглушительный ба-бах! Доски жалобно скрипнули.

В общем, угрозы тоже не помогли.

Покумекав так и эдак, я вернулась с куском хлеба и подойником. Удивительно, но коза перестала кидаться на меня, все поняла и сама запрыгнула на доильный стол.

— Вот и договорились, — выдохнула я, привязывая ее за ошейник к стене. — Вот и постой спокойно. Это в наших общих интересах.

ГЛАВА 2. Гость

Я справилась.

И с Лясей, и с неудобным запором на сарае. Бабуля очень переживала, что ценную козу украдут, поэтому велела на ночь закрывать козлятник на хитрый замок.

Так как старая бабушкина собака умерла еще в том году, а до приобретения новой так и не дошли руки, я сочла меру разумной и, помучившись минут десять, наконец-то додумалась, как вытащить засевший в замысловатой скважине ключ.

Ляся, довольная, осталась внутри. Я сменила ей в кормушке сено и воду в поилке. Комбикорм должен стоять в сенях в большом пластиковом контейнере…

В кармане резко завибрировал смартфон. Я смахнула, не глядя, зеленую трубку, так как была уверена, что это мама звонит, чтобы проверить, как у меня дела. Невнимательность вышла боком.

Звонил муж…

Настоящий, или можно уже сказать, что бывший. Я даже вздрогнула. Меньше всего хотелось бередить свежую душевную рану и общаться… с ним.

С этим предателем!

С эти козлом! Хотя нет. Лясины родственники гораздо милее и симпатичнее этого придурка!

— Слушай, Зин. Я тут подумал. Квартира же у нас на двоих куплена? Давай я тебе твою долю своей машиной отдам.

— Ты совсем совесть потерял? — возмутилась я, еле сдерживая дрожь в голосе.

Как цинично. Звонит, как ни в чем не бывало, и все уже там себе распланировал… Квартиру… Нашу квартиру, на которую мы так долго копили. Работали, чтобы не влипнуть в большой кредит. Продали мой старый седан, на котором я ездила на работу. Но Эдуард решил — зачем две машины? Одной хватит. Обещал подвозить по утрам, но в итоге каждый день я добиралась на корпоративном транспорте. Хорошо, что он был.

Хорошо, что две свои добрачные однушки не продала, а переписала на детей… Хватило ума! А ведь муж уговаривал! Поругались с ним тогда…

Теперь страшно подумать, прояви я во время того спора чуть меньше твердости.

В итоге мы купили хорошую большую квартиру. Сейчас цены выросли, и стоила она много, точно не как две престарелых иномарки не первой свежести.

— А что? Ты все равно будешь с мамой жить. У нее же двухкомнатная квартира. Такие хоромы! Чего ей, старухе, одной там жить? Не бросишь же ее, правда? А тут и машина тебе — отличный же вариант! Чего ты отказываешься?

Ай, какой молодец! Все уже решил. Все продумал — как облапошить глупую старую жену.

— Эдусь… Эдурад, — сквозь зубы процедила я. — Твоя машина и десятой части квартиры сейчас не стоит.

На том конце линии повисла злая тишина.

Потом снова раздался голос благоверного, больше не беззаботный, презрительный, холодный, как сталь на морозе.

— И сколько же тебе надо?

— Половину реальной суммы, — выдала я и вся сжалась от собственной дерзости.

Всегда думала, что не умею так. Что стушуюсь, запутаюсь в словах, ляпну в итоге что-то не то…

Но я смогла!

— Где ж я ее тебе взять должен? — проворчал Эдуард. — Такую сумму? Посмотри в глаза реальности, Зин.

Я сказала спокойно (сама себя удивила в очередной раз).

— Давай продадим нашу квартиру. Поделим сумму пополам.

— А жить мы с Регионой где будем? — Голос мужа зазвучал возмущенно. — У меня семья, ребенок. За половину суммы я куплю разве что конуру. На ремонт опять деньги понадобятся… Ты издеваешься что ли?

— А ты?

Я с трудом сдержала ярость. Еще разревусь, или заикаться начну… Мне надо продержаться до конца этой гадкой беседы.

— Что я, Зин? У меня семья, жизнь.

— У меня тоже.

— Да чего ты как попугай повторяешь? Взрослая же баба. Сама все прекрасно понимаешь, а навстречу не хочешь пойти!

— Мы продаем квартиру. Точка, — сказала я и нажала отбой.

Потом кинула номер изменщика в черный список. Не о чем нам пока говорить. Не хочу. А с разводом уж как-нибудь разберемся.

И с квартирой тоже.

А мама всегда говорила, что у меня нет внутреннего стержня. Нашелся вот!

Сердце билось в груди от возмущения и переживаний. Как я это все вынесу? Столько еще всего впереди…

На крыльце меня ждали продукты. Вернее то, что от них осталось. Соседские кошки разворошили пакет и унесли связку сосисок. Ну ладно. Сосиски были дорогие, хорошие, без пластиковых шкурок.

Котики не подавятся.

Ключ провернулся в замке, и меня окружила тяжелая тьма сеней. Пахло старыми шубами, квашеной капустой и сушеной пижмой. Такой родной и знакомый до боли запах.

Снаружи бабушкин дом не менялся, кажется, с моего детства. И козы у нее всегда были. Раньше еще и кур с гусями держала. Внутри же за последние двадцать лет он пережил уже несколько ремонтов. Это всегда была мамина инициатива. Так что за сенями, которые бабушке все-таки удалось отстоять, встретил меня маленький уютный коридорчик и открывшаяся за ним светлая кухонька, освеженная новомодным кухонным гарнитуром в стиле «прованс».

В центре стола сидел толстый бабулин кот и поглядывал на меня ехидно. Судя по всему, сосисками закусил именно он, а не неизвестные соседи.

Я опустилась на табуретку.

Никогда прежде не оставалась тут одна. Как непривычно. И странно.

Наскоро поужинав, пошла в гостиную и устроилась на диване. Стоило погасить свет, и кот тут же запрыгнул на ноги, стал топтаться по ним, устраиваясь поудобнее. В окно заглянула любопытная луна. Надо было задернуть штору, но не хотелось вставать.

Уснула так, с котом и под лунным светом.

В два часа ночи меня разбудили часы. Они зачем-то пробили звонко и настойчиво.

Бом-бом!

Сон как рукой сняло, и я, осторожно сдвинув кота в сторону, поднялась на ноги. Решила дойти до туалета. Счастье, что он находился тут же в доме, а не на улице, как в моем детстве. Ходить туда ночью, помнится, бывало очень страшно.

Проходя через кухню в коридор к заветной дверце, я бросила взгляд за окно (и тут занавеску не задернула). Из темноты снежный двор казался белым. Вон козлятник, вон яблони — одна и другая, забор. В том месте, где покосился один из столбов, что-то зашевелилось. Двинулись доски. Пошли медленно в сторону…

Дверь?

Там что, и раньше была калитка или дверца? Не помню. Неважно.

Я напряженно уставилась на высокую темную фигуру, проскользнувшую на участок, и быстро отыскала глазами щетку для мусора. Не бог весть какое оружие, но все лучше, чем ничего.

Застыла, перестав дышать.

Он ведь не видит меня тут, во мраке темной кухни? Этот незнакомец. Кто он? Вор? Что тут у бабушки воровать-то, кроме драгоценной Ляси?

Пока я вспоминала, где оставила смартфон, фигура приблизилась прямо к кухонному окну. У меня внутри все похолодело. В дом забраться хочет? Следом поднялась волна возмущения. Ишь, чего удумал, негодяй! Ну, я ему сейчас…

И не успела перехватить поудобнее щетку. К окну протянулась черная рука. Костяшки укрытых перчаткой пальцев настойчиво побарабанили по стеклу.

Тук-тук-тук.

Ошеломленная происходящим, я подставила к окошку табурет, встала на него, высунулась в форточку и рявкнула со всей возможной свирепостью:

— Чего надо?

На меня из-под черного капюшона длинного пальто смотрели два светящихся алым глаза. Бледное лицо, показавшееся в сумраке неживым, удивленно вытянулось.

— А где бабуля? — спросил неожиданно приятный голос.

— Я за нее! — ответила на автомате цитатой из старой известной комедии.

— То есть, Степаниды Витольдовны сегодня не будет? — Незнакомец отступил от окна и потряс зажатым в руке пакетом. Внутри что-то звякнуло. — А как же…

— Степанида Витольдовна — моя бабушка. И она заболела, — сообщила я со своей табуретки. — Вы что хотели то?

Я все еще продолжала храбриться, но в голову одна за другой лезли тревожные мысли. У него глаза светятся… И лицо… Он не человек что ли? Ночью пришел…

— Того же, чего и всегда, — отозвался ночной гость. — Я Владислав. Она вас не предупредила о моем визите?

— Нет.

Хотя, это не было в полной мере правдой. Бешеный вечер выбил меня из колеи, и я, если честно, даже не заглянула в мессенджер, единственный, которым пользовалась бабуля. К технологиям она относилась настороженно, поэтому писать сообщения у нее получалось лишь в нем.

А она ведь, скорее всего, что-то мне сообщила по этому поводу…

— Вот же недоразумение…

Владислав снова подступил к окну. Капюшон плаща соскользнул с его блестящих волос, открыв красивое бледное лицо. На актера какого-то похож! Из тех, что в фэнтези-сериалах снимаются…

Так! О чем я вообще думаю?

— Послушайте, что там у вас там конкретно за дело-то? — смягчилась я. — Может, я все же смогу его уладить?

— Молоко, — коротко повторил Владислав. — Я его покупаю у вашей бабушки. Пол литра всего. Баночку вот принес на замену.

Он протянул мне пакет.

— Ага. Сейчас.

Я тяжело съехала с табуретки и направилась к холодильнику. Вечером надоилось чуть больше литра, и я процедила молоко в большую банку. Маленькие стояли рядом с раковиной в стерилизаторе.

Налить. Закрыть. Отдать.

— Спасибо. — На бледных губах мелькнула улыбка. — Вам деньги лучше наличкой или перевести?

— Переведите бабушке, — отмахнулась я.

— Хорошо, — кивнул Владислав. — До свидания. И простите, что так вас напугал…

— Зинаида, — не к месту представилась я.

— Еще раз извините, Зинаида. Доброй вам ночи.

Он грациозно развернулся и легко пошагал к своей дверце в заборе.

— Подождите! — крикнула я ему вслед. — Одну минуточку…

Пришлось открыть окно, чтоб не лезть снова на табуретку.

— Да?

Владислав обернулся, а потом каким-то единым неуловимым движением оказался вдруг в полуметре от меня.

— Вы в следующий раз когда придете? Завтра?

— Обязательно. В это же время, — сказал он.

— А днем никак?

Повисло неловкое молчание. Потом до меня донесся ответ:

— У меня не получается приходить сюда днем. К большому сожалению.

— Ладно. Только давайте снова ровно в два. Я будильник поставлю, чтобы всю ночь вас не караулить.

— Да, конечно, — кивнул Владислав.

Потом я смотрела, как он исчезает за дверью. Надо было обменяться с ним номерами телефонов, но я почему-то не рискнула это сделать.

Почему у него красные глаза? Почему он приходит ночью?

Он… похож на вампира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.